

Галина Зыкова

«Разговор о Мандельштаме» как эстетический манифест Вс. Н. Некрасова

(История развития замысла и проблема границ между «произведениями»)

Отношение Бронзового века к Серебряному – очевидная, но до сих пор недостаточно изученная тема. Задачи предлагаемой статьи вполне ограниченные: мы собираемся прежде всего указать на существование имеющих отношение к теме и почти не публиковавшихся материалов и на связанные с возможной публикацией текстологические проблемы, имеющие прямое отношение к самиздату как особому способу бытования произведения.

В личном архиве Вс.Н. Некрасова сохранились материалы, относящихся, видимо, к началу 1980-х гг. и отражающие попытки работы над эстетическим манифестом. Это рассуждения о логике истории русской поэзии XX века, причем центральной фигурой этой истории, главным русским поэтом для Некрасова оказывается Мандельштам.

Материалы, о которых идет речь, – по большей части листы авторской машинописи с правкой и разной степенью незавершенности текста, иногда нумерованные, иногда нет. Последовательность нумерованных страниц и степень их автономности не всегда понятна¹, но рискнем сказать, что перед нами четыре текста (редакции?)²: в двух случаях есть авторское название: «Разговор о Мандельштаме», «Разговор о Мандельштаме по душам в тезисах»; третья, без названия, начинается со слов «Профессионализмом будем называть только тот профессионализм, который берет в соображение свою недостаточность...», четвертая, «План», со слов «Литературоцентризм, вторая реальность». Есть еще беловая машинопись, сделанная, судя по ряду признаков, не самим Некрасовым и представляющая собой расшифровку аудиозаписи (не сохранившейся).

Павел Нерлер³ (на основании своей старой дневниковой записи) и Иван Ахметьев⁴ (вспоминая о событиях начала восьмидесятых в 2016 г.) свидетельствуют, что Не-

¹ Хотя среди рабочих материалов Некрасова есть машинопись «нормального» вида – статьи, занимающие несколько пронумерованных страниц, с «продолжающимся» текстом, много и другого: случаев, когда страница А4 как таковая – видимо, неосознанно – воспринималась пишущим как самодостаточная, а текст, на ней расположенный, стремился к завершенности (отсюда впечатывание и вписывание в интервалах между строками, например). Расположить эти самодостаточные фрагменты в какой-то последовательности, понять их как части пространного текста не всегда удается, и, видимо, это не всегда и нужно.

² Сканы выложены нами на сайте vsevolod-nekrasov.ru.

³ «Запись от 23 марта 1981 года — своего рода конспект доклада Севы Некрасова «Блок, Хармс и Мандельштам» на Литобъединении им. Недогонова в ДК им. Горбунова (у Валеры Краснопольского). Доклад этот сейчас опубликован <Здесь автор ссылается на «Пакет», не указывая, какую именно статью здесь он воспринял как публикацию доклада; возможно, это «Концепт как авангард авангарда», представляющий собой, однако, уже не просто другую редакцию доклада, а скорее другое произведение. – Г.З.>, напомним лишь тот его фрагмент, кото-

красов выступал с «докладами» о Мандельштаме в 1981 году, причем несколько раз (насколько тождественными были эти выступления и можно ли датировать тем же 1981 годом машинописные наброски – сказать трудно).

Есть признаки, возможно, указывающие на хронологическую последовательность создания редакций: три странички под названием «План» («Литературоцентризм...»), возможно, – начало работы; «Разговор о Мандельштаме по душам в тезисах» представляет собой совершенно особую попытку оформления текста именно как разговора в репликах (с Э.В. Булатовым) и при этом содержит текстуальные совпадения с «Концептом как авангардом авангарда» – как он ориентирован относительно других версий, не слишком понятно; «Разговор о Мандельштаме» ближе всего к расшифровке устного выступления; «Профессионализмом будем называть...» уже включает ответ на обсуждение этого выступления). Видеть в этих редакциях постепенное, линейное развитие какой-то одной мысли вряд ли стоит. Текстологу, ищущему «проявление последней авторской воли» в последней редакции, приходится здесь, может быть, иметь дело с проявлением в «творческой истории» – эстетического принципа преодоления «косной временной последовательности, принудительности порядка в ряде», с «множественностью, плюралистичностью» («Объяснительная записка», 1979–1980).

рый значим для последующей полемической реплики Г.<еorgia> С.<оломоновича> П.<омеранца>. Некрасов утверждал, что Мандельштам шел от простоты к сложности, что он «начался с тех вещей, которыми многие кончали (Пастернак, Заболоцкий, Сельвинский). Мандельштам — поперек этой липовой схемы». В дискуссии после доклада Г. С. «говорил об условности понятности и классичности раннего Мандельштама. Просто форма у Мандельштама очень классична и красива. Ранний М. — мнимо понятен» (Нерлер Павел. Минутный разговор со смертью (Вспоминания Георгия Померанца) // Лехаим, май 2013 (<http://www.lechaim.ru/ARHIV/253/nerler.htm>); дата обращения 8.08.2017). – Статьи, на отдельном машинописном листочке у Некрасова (начинается со слов: «К ДОКЛАДУ шева-лье де л’Эскалье» – о ком это?) есть ответ Г.С. Померанцу:

«Померанц: «Шестипалой неправде» торчит. Мне бы сказать – а вот и хорошо, что торчит. Торчит именно как ему надо. Это и называется кристалл, освобожденность речи. Стих выстраивается, торчит по собственной форме, на глазах обретает ее, свою – а не форму сосуда, пускай и самого прекрасного, венецийского бокала, классическую форму. И в ней он уже другой, и в ней он раствор поэтически перенасыщенный, так вот дайте ему выпасть, наконец, какой он есть на самом деле». В машинописи «Профессионализмом будем называть...» реплика Померанца уже учтена и встроена в текст – значит, она возникла после 23 марта 1981 г.

⁴ «Выступлений Некрасова на эту тему было в то время, значит, несколько: одно у Чачко-Шейнкера, другое – о котором пишет Нерлер, и третье у Вали Яхонтовой на Щелковской, на котором я был.

У нее тогда собирались регулярно, она писала стихи в духе «Московского времени», я был только однажды. <...>

Было человек 25, не меньше, Величанский, Харитонов с Мариной Андриановой, мы с Мишей; наверно, Сопровский и Гандлевский, м. б., Лён, не помню. Были ли Айзенберг и Рубинштейн?

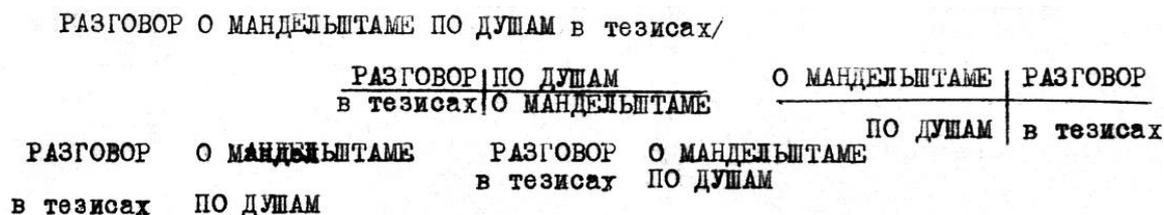
Некоторые не досидели до конца, Женя уходя спросил: «Это что же, они всегда так всерьез обсуждают?» - я ответил, что сам здесь в первый раз.

Сева выступал в ответ на какую-то статью Казинцева, который тогда еще как бы был неофициальным человеком, но, согласно биографической справке, именно с 1981 стал работать в «Нашем современнике» <Не подвергая сомнению это личное свидетельство современника, уточним, что прямо в «мандельштамовских» текстах Некрасова А.И. Казинцев не называется никогда (в отличие от «Падлиевского» – Палиевского). – Г.З.>. На вечере вроде бы сначала выступал Казинцев, а потом ему отвечал Некрасов заранее подготовленным большим докладом, кажется, отпечатанным. Т.е. Казинцев уже прежде что-то написал о Мандельштаме, такое, что для Некрасова это стало сильным стимулом высказаться на эту тему. Тут было размежевание и с советским представлением о стихах, и с консервативным течением в андеграунде.

Пункты те же (что запомнилось): три главных поэта (Маяковский, Есенин, Мандельштам), сравнение «Ты как младенец спишь, Равенна, у сонной вечности в руках» и «Большая вселенная в люльке у маленькой вечности спит» в пользу второго, обнаруживающего приращение нового поэтического измерения как бы.

Поскольку Евгений Харитонов еще жив, это могло быть начало 1981, помню, что было прохладно» (электронное письмо А.Макарову-Кроткову кому???? от 2 ноября 2016 г.)

Кстати, пример такой плюралистичности для Некрасова – «тройчатки» Мандельштама как сосуществование равноценных и разных реализаций замысла.

Наглядное представление о сосуществовании редакций дает авторская попытка прикинуть версии названий (кстати, это очень похоже на некрасовские опыты визуальной поэзии начала 80-х гг.).

Если все-таки попытаться грубо определить направление движения от ранних (предполагаемых только ранних) редакций к более поздним, то можно осторожно предположить, что становится все очевиднее попытка выстраивания исторической схемы (и в этой схеме рядом с Мандельштамом все больше места начинает занимать Хармс), все больше говорится о Мандельштаме как фигуре в определенной последовательности (историчность эта, конечно, условная, потому что Мандельштам всегда воспринимается Некрасовым как идеальный поэт, и его историческая роль – роль спасителя: он тот, кто выводит из кризиса)

Проект интерпретации истории русской поэзии с Мандельштамом как ее главным явлением долгое время оставался для Некрасова в некотором смысле центральным. Единственная доведенная автором до печати реализация проекта – поздняя статья «Серебряный век в двадцатом» (1999) – концептуально, конечно, уже несколько иная (например, о Блоке Некрасов говорит не так скептически); текстуально с версиями начала восьмидесятых у статьи 1999 года совпадений почти нет.

Конечно, одного только случая Некрасова недостаточно для обобщений, и все-таки позволим себе предположить, что, хотя литература и во вполне Гутенберговы времена знает примеры незавершимых замыслов (хотя бы вспомнить «Кому на Руси жить хорошо»), все-таки то, что происходит у Некрасова с мандельштамовским проектом, который на протяжении нескольких десятилетий (недо)реализуется в ряде – редакций? произведений? (вот где ясно, насколько условно и спорно понятие отдельного произведения!), – определено не только особенностями индивидуальной манеры работы и «неклассической» эстетикой, но и особой исторической ситуацией, обстоятельствами, для искусства внешними. (Традиционная «полноценная» публикация, дело для

Некрасова маловероятное, все-таки предполагала выбор одной из версий как основной и, может, даже и окончательной).

Разговор о Мандельштаме был для Некрасова центральным, между прочим, еще и в том отношении, что из него «выросли» другие тексты, важные и быстро доведенные все-таки до завершения и «самиздатской» и «тамиздатской» публикации: «Объяснительная записка» и «Концепт как авангард авангарда».

Наверно, надо сделать одно очевидное уточнение: разговор о Мандельштаме вызван не непосредственным впечатлением от стихов, а потребностью обдумать и сформулировать свою позицию («теоретичность» тут скорее черта времени, чем наклонности именно некрасовские). Первое упоминание о Мандельштаме⁵, оно же и самое известное, появляется существенно раньше статей:

вот

что вот

воздух

Мандельштам

это он нам

надъшал

М.А. Сухотин датирует текст 1973 годом (по рабочим блокнотам); как известно, именно тогда в «Библиотеке поэта» вышел том Мандельштама, и почти наверняка стихи Некрасова связаны с впечатлением от этого события. Впервые прочитал Мандельштама Некрасов, конечно, гораздо раньше: вспоминал, что получил его «зимой 54-55» из рук А. Русанова⁶. Большое впечатление произвел «Разговор о Данте», изданный Л.Е. Пинским в 1967 г.⁷: отсюда, конечно, и «Разговор о Мандельштаме».

⁵ Из известных нам: рабочие рукописи, которых довольно много, еще не вполне прочитаны (с ними работает М.А. Сухотин; сканы почти всех сохранившихся рабочих блокнотов доступны на сайте vsevolod-nekrasov.ru).

⁶ И якобы сразу уже «Как на Каме-реке глазу темно, когда...» – скорее всего абберрация памяти, потому что впервые было опубликовано только в 1967 («Предыстория»).

⁷ В личной библиотеке Некрасова это издание есть, но без дарственной надписи, т. е., видимо, не от Пинского; зато надпись «Дорогому Севе Некрасову с глубокой любовью. 31. V. 1961» есть на «Реализме эпохи Возрождения», подаренном, видимо, во времена наибольшей личной близости. Про свое общение с Пинским Некрасов вспоминал постоянно, хотя и не рассказывал о нем много; с именем Пинского для Некрасова было связано прежде всего представление о необходимости строгого и осознанного *отбора* произведений («Любимые его слова: «Мандельштам единственный из поэтов XX века умел отбирать» («Серебряный век в двадцатом», 1999); видимо, именно Пинский определял состав самодельного сборника стихов Некрасова «Слово за слово» 1961 г. (воспроизведен в издании: Авторский самиздат Всеволода Некрасова. М.: Совпадение, 2013)). Возможно, к разговорам с Пинским восходят также устойчивые представления Некрасова о искусстве как ситуации общения автора и читателя/зрителя (ср. у Пинского: «Образ *реализуется* в восприятии»), оппозиция истинного искусства и догмы, канона, «литературы» (на языке Пинского – оппозиция «поэтического» и «художественного»); впрочем, эти идеи в XX веке были вполне распространены и предполагать именно влияние Пинского здесь не обязательно.

В «мандельштамовских» набросках появляется слово «концептуализм» («Хармс как первый концептуалист» – «План. Литературоцентризм как вторая реальность»), здесь, как в «Разговоре о Мандельштаме по душам», есть и образы, вошедшие чуть позже в «Концепт как авангард авангарда», и основные положения эстетики концептуализма, как ее понимал Некрасов. Хармс и поздний Мандельштам для него необходимый ответ на выраженную определенность метода, свойственного «измам» Серебряного века⁸:

«У Хармса критика литературы самая радикальная и последовательная. <...> Никакого сказа, никакой характерности – никакая речь. Социально выверенная, наиболее устойчивая и выживаемая. Бюрократическая и беспризорная. Никакого видимого эстетического устройства, художественного механизма. Механизмы – вовне: в читателе <...> стих Мандельштама – стих в речевой реальности, современной ему. Осложненный, подпорченный <...> Открытость позднего Мандельштама любому факту. <...> чем больше похож на себя, тем больше на других».

(Вне непосредственной связи с мандельштамовской темой позволим себе заметить, что в концептуалистском «Плане» есть определение лирики, лиричности, понимаемой – прямо вопреки расхожим представлениям о современном искусстве – как естественный центр этого искусства:

«Лирика <...> – Лирика всегда пишется, не всегда получается. Лирика не жанр, а результат, редкий случай. Конкретна, как истина у Гегеля. Лирика – это наиболее непосредственное, освобожденное и прямое слово, высказывание. Максимум свободы и проявления личности, нераздельный с максимум выверенности, скорректированности – максимумом обратных связей с миром»).

«Объяснительная записка» (1979–1980) – самый ранний результат разговора о Мандельштаме, «Концепт как авангард авангарда» мандельштамовским докладам, видимо, почти синхронен, их версия; и еще в разговоре о Мандельштаме есть зерно текстов девяностых годов: автобиографий 1992 и 1997. Представление о ценности восприятия, реакции воспринимающего вообще свойственно двадцатому веку, а для Некрасова это было одним из главнейших убеждений; поэтому личная связь с Мандельштамом (и вообще опыт чтения в отрочестве и юности) для него не только тема особого текста («биографии»), а естественная часть «разговора». Из машинописи восьмидесятых:

«И Мандельштам. Помню, что Мандельштам у меня никаких недоумений не вызвал – сразу как-то признал его как что-то само собой разумеющееся – насколько надо, настолько и темное, а главное – что ясное, ясное до какого-то фокуса, до того, что я и сейчас думаю –

⁸ Кстати, Некрасов, говоривший о концептуализме и, естественно, концептуалистом считавшийся, тем не менее утверждал: «... Сам себя никогда никаким измом не обзывал и считаю, что сам себя вывесками только дурак украшает» (из недатированной черновой машинописи).

это потому мне так ясен Мандельштам тридцатых годов (ясен был больше именно поздний – ранний, классический не очень давался, хотя мало-помалу привык и к нему, уже в недавнее время <в бумагах А.И. Журавлевой, жены Некрасова с конца 60–х, есть тетрадь с переписанным ею, может, даже еще в школе, «Камнем» – Г.З.>), что я просто и на свет-то появился именно в эти же самые тридцатые годы. Seriously, подозреваю, что не застань я его на свете, не подыши с ним одним воздухом первые четыре года своей жизни – может быть, и читалось бы хоть чуть-чуть, да не так...

На Москве-реке есть светоговорильня

С гребешками отдыха, культуры и воды.

Как же, помню. Воздух речи. Вроде и темно, еще ничего не было, а уже был такой, когда и сам я еще никой не был. (Речной, летний, вечерний и при электричестве)».

Обостренное внимание поколения Некрасова к поэзии модерна (в широком смысле слова) общеизвестно. Сам Некрасов тоже считал это именно поколенческой чертой, сближающей москвичей и ленинградцев, «неоакмеистов» и «неофутуристов», естественной потребностью в «восстановлении истины, какой она была перед умерщвлением» (из машинописных набросков начала 80-х):

«...Возврат к двадцатым годам, я думаю, был в шестидесятые не такое уж провинциальное и бесплодное явление. Была в нем и своя скверная, провокационная сторона, поскольку такая сторона была, увы, объективно и в искусстве двадцатых годов – стремление свести все к форме (любимое слово наших философов), к пестрой витрине, к вранью, позе и эскападе. Но было в этом и другое – восстановление истины, какой она была перед умерщвлением. "Это же у вас Мандельштам и Шершеневич, это же старо"», – разливался какой-то преподаватель Литинститута перед студентами. Мандельштам, Шершеневич – все едино, главное старо... Как будто Мандельштама этого тридцать лет на всех лотках продавали, как Маяковского, и он давно всем ужасно как надоел и устарел... Ну что же, что старо – приходилось жить в этом старо, отбывать это старо, на собственной шкуре чтобы почувствовать, что убить истину – нельзя, убитая на время – она не только не стареет (никакая не стареет), но просто ведет себя по неизбежном воскрешении как самая сиюминутная, требует, чтобы ее сейчас вот пережили, работали с ней, не отпускает от себя дальше – не она же виновата, что ее убить хотели – убивать не надо...»

Заметим напоследок, что некрасовские очерки истории русской поэзии XX века, описанные здесь самым общим образом, внешне, способны существенно скорректировать наши априорные представления о том, какой именно модерн и как именно должен/может любить москвич-шестидесятник, деятель «второго авангарда». Есть, конечно, оценки ожидаемые (Ахматовой и Маяковского), но важнее неожиданное: объяснение необходимости Есенина, признание в своей читательской потребности в нем и да-

же – это выговаривается с понятным неудовольствием – что Есенин, может, единственный повлиял на него прямо и непосредственно, повлиял на стихи (раннюю поэму «Синева»).

Таковыми же неожиданными могут показаться и скептические отзывы о Хлебникове, реинкарнацией которого Некрасова неоднократно называли вслух (Дж. Янечек, например). Ничего неожиданного тут, впрочем, нет: хлебниковская заумь могла быть воспринята как нечто противостоящее «общей речи», на которой, как был уверен Некрасов, и держится поэзия:

«Ошибка Хлебникова и Крученыха – наивное отождествление музыки и «музыки» речи. У речи «музыка»... условная, социальная изначально... Хлебниковская гениальность – изначально в преодолении, разрыве... круга общения <необходимого для идеального героя – Мандельштама – Г.З.>. Надмирная Предвечная и Сверхличностная художническая позиция. ... Он сумел сохранить бескорыстие, “самовитость”, первый импульс, но не сумел – да и не собирался – отгородиться от изуверства. Ему казалось, что экстаз – это одно и то же с поэзией, это всё и дальше спросу нет, тут всё кончается. Т. е. поэзия, но с маленьким допущением – без личностной точки» («Профессионализмом будем называть...»).

Список использованной литературы

- Некрасов Вс.* Тезисы доклада о месте Хармса в русской литературной традиции. – <http://vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Stat-i/Tezisy-doklada-o-meste-Harmsa-v-russkoj-literaturnoj-tradicij> (дата обращения 8.08.2017)
- Он же.* Объяснительная записка. – <http://vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Stat-i/Obyasnitel-naya-zapiska> (дата обращения 8.08.2017)
- Он же.* Концепт как авангард авангарда // МАНИ, 1982, №4. См. также: *Он же, Журавлева А.* Пакет. М., 1996, и <http://conceptualism.letov.ru/Nekrasov-koncept.html> (дата обращения 8.08.2017)
- Он же.* Предыстория // Пушкин, 1997, №1 (http://old.russ.ru/journal/ist_sovr/97-09-22/nekra.htm; дата обращения 8.08.2017)
- Он же.* Серебряный век в двадцатом // Русская литература конца XIX – начала XX веков. Гданьск, 2002 (доклад на конференции в Гданьске, проходившей в ноябре 1999; см. также: <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/NEKRASOV/SilverAge@XX.html> <Он же> Авторский самиздат Всеволода Некрасова. М.: Совпадение, 2013.
- Нерлер Павел.* Минутный разговор со смертью (Вспоминая Георгия Померанца) // Лехайм, май 2013 (<http://www.lechaim.ru/ARHIV/253/nerler.htm>; дата обращения 8.08.2017)